

Денис
Самсонов

День голодных духов в городе Мирян

Жителей России трудно удивить разнообразием регионов, но значительные различия между ними естественным образом продиктованы масштабами нашей страны. Небольшие же размеры Республики Корея, известная мононациональностью, подкреплённая существованием более тысячи лет объединённого государства на одной и той же территории, непроизвольно настраивают на единообразие. Однако, путешествуя, общаясь с людьми, всматриваясь в окружающую действительность, совершенно отчётливо понимаешь, что это многоликая страна. Каждый регион, демонстрируя черты, характерные для страны в целом, обладает отличающей его самобытностью и интересен по-своему.

Именно поэтому путешествовать по Республике Корея всегда интересно, несмотря на высокую степень урбанизации страны и практически полное отсутствие дикой природы.

Здесь, мне думается, необходимо сказать несколько слов о противопоставлении «Сеул – регионы». Дело в том, что существует представление, согласно которому всё, что расположено за пределами Сеула, – это *сиголь* (провинция). Сеул – не просто столица государства. Сеул – это отдельный мир, живущий по несколько иным, чем остальные регионы, законам. За годы экономических преобразований Сеул превратился в огромный мегаполис, где проживает около четверти населения Республики Корея и где сконцентрирована основная политическая, экономическая и культурная жизнь страны. Сеул олицетворяет современную, интернационализированную, динамичную Корею, центр одного из четырёх «малых азиатских драконов».

Провинция – это территория, где можно встретиться с обаятельным обликом традиционной Кореи. При выезде за пределы столицы первое, что обращает на себя

Денис Анатольевич Самсонов – младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург).

внимание, – это ритм жизни. Жизнь в провинциальных городках и деревнях значительно медленнее и размереннее. Улицы пустынные, а общественный транспорт никуда не спешит. Таксисты в провинции отличаются от своих сеульских коллег простотой общения с клиентами. Если столичный таксист почти всегда в униформе и белых перчатках, то водитель в провинции одет в футболку, с сигаретой в зубах и в шлёпанцах на босу ногу. Здесь чаще можно встретить людей, спокойно шагающих по своим делам. Прямо на тротуаре сидят старушки, торгующие неведомыми травками и корешками из больших пластмассовых тазов. Жизнь в провинции проще, но корейская деревня не создаёт ощущения запустения. Современная инфраструктура развита на весьма

высоком уровне. В любой, даже самой отдалённой деревне есть магазинчик, где продаётся всё самое необходимое. С уличного телефона-автомата без проблем можно позвонить в любую точку мира. Но самое главное в том, что люди, живущие там, выглядят не менее довольными своей жизнью и своим положением, чем жители Сеула. Хотя повод для огорчения есть – слишком мало на улочках корейских деревень попадаетесь молодых лиц, всё больше пожилых людей.

Одним словом, в некоторой степени формулу «Сеул – провинция» можно отождествить с противопоставлением «современность – традиция».

За время учёбы и стажировки в Южной Корее я побывал не только во всех крупных городах, но и в отдалённых

регионах страны. Такие путешествия помогают лучше познакомиться с этнической спецификой корейского народа и самобытными особенностями корейской культуры. Особенно много интересных и красивых мест мне удалось посетить в 2004 г. во время стажировки при Государственном исследовательском институте культурного наследия и Государственном музее этнографии.

В этой статье мне хотелось бы рассказать о поездке в небольшой городок Мирян, куда я отправился вместе с моим главным проводником по лабиринтам корейской культуры – фотографом Со Хон Каном, который уже многие годы работает в качестве основного летописца событий с ведущими государственными и частными организациями, изучающими культуру Кореи.

Как обычно, он позвонил рано утром накануне дня отъезда.

– В Мирян поедешь? – задорным голосом спросил Со.

– А что там будет? – ответил я вопросом на вопрос.

– Будет весело – праздник *пэччун нори*. Тебе понравится, – коротко и, как мне показалось, с ухмылкой ответил он.

– Конечно, поеду, – не задумываясь, ответил я.

– Ну, тогда буду ждать тебя в 9 утра у заправки Хёндэ на пятом выходе станции Кваннару, – быстро сказал он и повесил трубку.

Признаюсь честно, об этом празднике я знал немного, вернее, только то, что *пэччун* – одно из названий пятнадцатого дня седьмого лунного месяца и что в старину это был один из наиболее почитаемых праздников в Корее.

Порывшись в Интернете и просмотрев справочную литературу, мне удалось узнать больше. Оказывается, в периоды правления династий Объединённого Силла и Корё (VI–XIV вв.) этот день назывался *Пэччон* – «День ста семян». Это название имело буддийскую окраску, а наиболее популярная версия его

происхождения была связана с именем буддийского святого Маудгальяна (*кор.* Монён, *кит.* Мулянь, *яп.* Мокурэн), о подвиге которого рассказывается в «Сутре об уламбане».

Один из первых учеников Будды Шакьямуни по имени Маудгальяна, обретший шесть способностей¹, проник в различные миры и увидел, что его покойная мать возродилась в мире голодных духов за то, что, поев мяса, отказалась покаяться в содеянном. Будучи верным сыном, Маудгальяна решил накормить свою мать, но пища, которую она подносила ко рту, тут же превращалась в горящие угли. Маудгальяна встретился с Буддой и, выслушав его советы, преподнёс монашеской общине в пятнадцатый день седьмого лунного месяца щедрые дары. После совместных молитв монахов его мать была избавлена от страданий в мире голодных духов. И в память об этом в пятнадцатый день седьмого лунного месяца корейцы стали совершать подношения Будде с молитвами о помощи родителям в загробном мире. Исторические хроники подтверждают, что в средневековой Корее во многих монастырях монахи с молитвами делали жертвоприношения в виде различ-

ных плодов и злаков, образующих так называемые «сто вкусов», дабы облегчить тем самым страдания голодных грешников, мучающихся в аду. Поэтому этот день назывался также «Днём голодных духов». Во многом эта традиция сохранилась в буддийских монастырях до наших дней.

Но судя по тому, как весело меня приглашал в эту поездку Со, буддийский храм в этот раз мы посещать не собирались.

Ещё несколько часов работы позволили составить более широкое представление об этом празднике. Оказывается, к концу эпохи Чосон (1392–1897), оставаясь важным событием в рамках буддийской жизни, он воспринимался крестьянами несколько в ином ключе. В трактатах второй половины XVII – начала XIX в., написанных учёными-конфуцианцами и посвящённых описанию обычаев и обрядов разных местностей, имеются упоминания о том, что празднования в этот день, в первую очередь, были связаны с окончанием работ на рисовых полях, т. е. имели по своей сути аграрно-общинный характер. Именно поэтому очень часто в народе этот праздник называли *мосым наль* – «день труженика» или *мосым-е сэниль* – «день рождения труженика».

Наиболее ценным источником в этом плане является трактат Ю Дык Кона (1748–1807) «Записки о столице и провинции», созданный во второй полови-

¹ Шесть способностей — умение летать, ясновидение, яснослышание, чтение мыслей, память о своих прежних перерождениях и «исчерпание кармы», то есть возможность более не родиться в земном мире. Эти способности есть у будды, их могут обрести бодхисаттвы.

не XVII в. Он пишет, что «в старину, в период Корё, в этот день проводили церемонии подношения Будде по «Сутре об улламбане», но сейчас основным занятием в этот праздник стало вкусно и много поесть и крепко выпить». В трактатах других авторов говорится, что к середине XIX в. в сельских местностях сформировалась традиция проводить особые «рыночные дни», которые получили название *Пэкчончун чан* (в сокращённой форме *Пэкчун*) – «Рынок в день Ста знаков». Основной отличительной чертой этих рыночных дней от многих других было обилие развлекательных мероприятий, таких как состязания по борьбе на поясах *ссырым*, своеобразные выступления танцоров и музыкантов, катание на качелях, а также разные увеселения. С течением времени название *пэкчун* закрепилось как название пятнадцатого дня седьмого лунного месяца, а сами мероприятия стали называться *пэкчун нори* – «празднование в день *пэкчун*». (Существительное *нори* в широком смысле обозначает «беззаботное проведение досуга», в узком – «игра, развлечение». В связи с этим автору показалось, что русское слово «празднование» наиболее точно и ёмко выражает смысл данного корейского существительного.)

Праздник полнолуния седьмого лунного месяца был известен в Китае и Японии. Там он имеет преимущественно буддийскую окраску и связан с тем же сюжетом, о котором рассказывалось выше. Тем не

менее мотив единения семьи и местной общины занимал в обрядовой стороне праздников достаточно заметное место.

В Китае, например, разного рода представления в этот день носили общинно-коммунальный характер и устраивались на средства, собранные в складчину с членов деревни. Этот праздник был временем игр и увеселений. В целом в народе он прочно сохранял свою изначальную связь с благодарением предков за урожай.

Существует предположение, что буддийские празднества этого дня во всех трёх странах могли быть позднейшим оформлением значительно более древней традиции, связанной с благодарением семьёй и общиной умерших предков и других духов-хранителей и защитников плодородия, берегущих в земле семена жизни.

И вот мы отправились в путь. Из Сеула до Миряна по скоростным магистралям ехать больше четырёх часов. По корейским меркам – путь неблизкий. Мирян расположен на юго-востоке Корейского полуострова в провинции Кёнсан-намдо.

По дороге Со рассказал мне, что сегодня в деревнях к пятнадцатому дню седьмого лунного месяца уже не относятся как к обязательному празднику деревенской общины. Тем не менее иногда в конце лета – начале осени (а именно на это время и попадает 15 день 7 лунного месяца) в провинциях проводят фестивали, приуроченные

к этому когда-то праздничному дню. На такой фестиваль Со и пригласил меня.

Здесь надо сказать несколько слов об особенностях сельского хозяйства в старой Корее, чтобы представить, чем же так важен был для корейцев этот праздник.

Известно, что традиционное занятие корейцев – земледелие. Ведущей сельскохозяйственной культурой издавна был рис. Обширных равнин в Корее немного, но их плодородные земли являются основными районами для выращивания риса. Помимо прибрежных равнин аллювиального происхождения на западном и южном побережьях, сельское хозяйство сконцентрировано в местах слияния крупных рек во внутренней части страны. Под рис занято примерно две трети обрабатываемых земель Южной Кореи.

В древности обработка рисовых полей начиналась в мае, пахали на волах деревянным плугом с широким, лопатообразным железным лемехом. В целом весь сельскохозяйственный цикл условно можно разделить на три больших этапа: посадка семян, прополка сорняков и сбор урожая. Сеять рис начинали в мае-июне. Не только посадка рисовой рассады, но и другие этапы обработки земли, такие как рыхление почвы, окучивание, прополка, борьба с сорняками в течение всего вегетационного периода, которые из-за обильных летних дождей производились не менее двух раз в сезон, требовали от корейских крестьян напряжённой работы.

Сложные климатические условия, кропотливый ручной труд, широко применяемый при заливном рисосеянии, способствовали формиро-

ванию среди корейских крестьян особых коллективных форм труда. В связи с этим в жизни корейской деревни важную роль играли общинные отношения и коллективные формы труда. Для совместного

труда в Корее создавались группы из 5–7 семей, называвшиеся *туре*. *Туре* представляет собой специфическую форму кооперирования. Взрослые мужчины деревни объединялись и совместно выходили на

сельскохозяйственные работы. Совместными были весенние работы – высадка рассады, летние – прополка и осенние – сбор урожая.

Наиболее трудоёмким из всех перечисленных сельскохозяйственных этапов была прополка рисовых полей. Она могла проводиться несколько раз за сезон. Окончание прополки, совершавшейся с помощью тяпок, называлось *хоми ссиси* («мытьё тяпки»). Такое название было связано с тем, что в конце последнего рабочего дня все собирались вместе на краю поля и мыли свои тяпки, а по возвращении домой вешали их на стену. Это должно было символизировать, что в этом году самый трудоёмкий этап в сельскохозяйственной работе преодолён, и можно немножко отдохнуть.

Как известно, трудовые обряды и праздники очень часто соотносятся с точно означенными периодами годового производственного цикла и свидетельствуют о переходе от изобилия к скудности (когда ожидаются трудности зимы, от которых магически защищаются), от скудности к изобилию (как на празднествах первых плодов и урожая).

Надо сказать, корейский народ всегда украшал свою нелёгкую трудовую жизнь обрядами и праздниками. Они были непосредственно связаны с формой хозяйства и трудовыми процессами, а также выражали и утверждали представления корейских крестьян о труде, общественных отношениях, разнообразили и облегчали труд на полях. В связи с тем, что народные обряды и праздники базировались на социокультурном комплексе, традиционной крестьянской жизни,

деревенской общинной организации, они формировали условия сплочения крестьян, что приводило к социальной солидарности и единению.

В специально отведённые для этого дни члены *туре* вместе проводили сельские обряды, игры и развлечения, которые назывались *туре нори*. В эти дни готовили праздничные блюда и ритуальные спиртные напитки, пели и танцевали.

Так вот на середину седьмого месяца по лунному календарю как раз и приходилось окончание прополки на рисовых полях, то есть самого трудного этапа сельскохозяйственных работ. Именно поэтому *пэкчун нори* имел такое важное значение в жизни деревенской общины: сначала хорошо всем вместе поработать, а затем встать отдохнуть.

Фестиваль, на который мы ехали, проводился под патронажем Общества по сохранению обычаев и искусства города Мирян. При этом обществе существует народный фольклорный ансамбль. В старину в каждой деревне были сельские оркестры, которые сопровождали все сельскохозяйственные процессы. Именно такие оркестры являлись основной движущей силой любого сельского праздника. В Миряне благодаря народному фольклорному ансамблю сохранился ритуал народного праздника *Пэкчун нори*. В его исполнении этот праздник выглядит как театральная постановка, состоящая из нескольких частей.

Когда мы приехали к месту проведения праздника, на небольшом поле на окраине города уже было много зрителей, и все, кто пришли, с интересом и нетерпением ожидали начала представления.

Первая часть, как и положено, посвящена благодарственным поклонениям духам. Для этого до начала праздника на середине поляны, где разворачивается основное действие, установили своего рода столб высотой около двух метров, который называется *нонсиндэ*. Он состоял из 12 связанных снопов конопли, в каждом по 30 стеблей, которые символизируют соответственно 12 месяцев и 30 дней, а все вместе – 360 дней года. На верхушку столба водрузили кисточку из пяти злаков (просо, гаюль, воробьиное просо, красные бобы, горох). Затем сделали растяжку из четырёх разноцветных лент: чёрной, символизирующей север, белой – запад, красной – юг, синей – восток. Столб обмотали толстой соломенной верёвкой и жёлтой лентой, символизирующей центр. На столб повесили маленькие мешочки с вышитым благопожелательным иероглифом *бок* – «счастье», в которые кладут написанные на листочках бумаги пожелания или немножко риса.

После того как этот столб установлен, начинается торжественный выход крестьян. Во главе идёт человек с шестом, на котором подвешено полотнище с надписью «Мирян пэкчун». За ним чинно вышагивает человек с длинным горном – атрибутом лучшего работника. Дело в том, что за несколько дней до праздника из числа труженников общины выбирается старейшина, т. е. главный распорядитель праздника, а также *мусан* – лучший работник за время этого сельскохозяйственного цикла. Ему вручают горн, и теперь в течение всего дня он будет королём праздника. За *мусаном* следуют все остальные участники праздника с разными ударными музыкальными инструментами, гон-

гами и барабанами. Затем все встают вокруг столба, и *мусан*, опустившись на колени, читает нараспев благодарственные слова в адрес духов – покровителей деревни. В качестве угощения жители деревни предлагают духам специально приготовленный по этому случаю парной хлебец из отрубей гречихи, фрукты, рыбу, голову свиньи, ну и конечно, рисовую брагу *макколли*, столь любимую крестьянами.

цы и песни. Сначала *мусану* вручают «корону», которая на самом деле представляет собой соломенную шляпу, вывернутую наизнанку, и усаживают на носилки для переноски грузов, которые символизируют коня. Говорят, что в старину лучшего работника возили по всей деревне и, подъезжая к воротам домов, выкрикивали: «Купите хорошего работника! Дёшево отдаём!». Таким образом собирались деньги или угощения для продолжения праздника. Очень часто, объехав всю деревню, крестьяне во главе с «королём» направлялись к дому хозяина земли и устраивали у дверей небольшой концерт. За это он должен был выставить им угощение. Так поддерживался диалог между землевладельцем и крестьянами, что способствовало разрешению и ослаблению эмоциональных и психологических проблем между разными социальными группами.

На данный момент во время представления демонстрируется четыре танца: «танец помещиков», «танец тяжело больных», «танец простого люда» и «танец пяти барабанов». Каждый из них имеет свою смысловую нагрузку и является характерной региональной особенностью праздника в городе Мирян.

Исполняя «танец помещиков», крестьяне высмеивали их пороки. В этом танце участвовали только мужчины. Участники «танца тяжело больных» показывали те состояния, в которые могут впасть люди, заразившись той или иной инфекционной болезнью. По всей видимости, этот танец восходит к древним культам, связанным с представлениями о демонах, носителях эпидемических заболеваний, так широко распространённых в жаркий сезон года в этой климатической зоне. Так вот, чтобы защититься от злых болезней, люди совершают своеобразные «прививки», демонстрируя, что «я уже болен» и духу болезни здесь уже делать нечего. В этом танце принимают участие как мужчины, так и женщины. Приветствуется также участие зрителей.

«Танец простого люда» исполняется тремя мужчинами. Этот танец иллюстрирует основные этапы сельскохозяйственного цикла. Движения танцоров показывают тяжёлую работу на полях.

«Танец пяти барабанов» завершает танцевальную часть праздника. Это наиболее экспрессивный и динамичный танец, участники которого постепенно выходят за рамки отведённой территории исполнения и вовлекают в празднество зрителей. Пять – гармонизирующее число, оно обозначает четыре страны света и центр, пять первоэлементов и т. д. Этот танец постепенно переводит всех празднующих в следующий заключительный эпизод праздника, называемый «Всеобщей гармонией». В этот момент все, кто участвовал в празднике, – актёры и зрители, мужчины и женщины, стар и млад могут выйти на площадку и сплясать, спеть, просто повеселиться.

Уже там, на месте, я выяснил, что такую всенародную любовь праздник *лэжун* в городе Мирян имеет ещё и потому, что он зарегистрирован в Министерстве культуры как «Нематериальное культурное наследие №68». Дело в том, что в Республике Корея с 1962 г. действует закон «О зарегистрированных памятниках культурного наследия». Согласно этому закону, культурные ценности страны были пронумерованы и зарегистрированы. При этом вводилась определённая типология культурных наследий. Они делились на несколько групп: материальное культурное

Недалеко от места событий стояло огромное пластмассовое ведро, до краёв наполненное рисовой брагой. В нём плавал небольшой бумажный стаканчик, и любой из участников и гостей фестиваля мог подойти и отведать напитка, который вместе с яркими и тёплыми лучами солнца создавал у участников праздника в высшей степени благодушное настроение.

После завершения поклонения начинаются тан-

наследие, нематериальное культурное наследие, этнографическое культурное наследие и т.д.

На русский язык термин «нематериальное культурное наследие» часто переводят как «живое культурное достояние», желая придать этому названию экзотический азиатский оттенок. Такой перевод этого названия верен лишь отчасти. На момент введения этого закона термин «живое культурное достояние» был допустим, потому что тогда действительно жили люди, которые сами обучались какому-нибудь традиционному ремеслу, танцу, исполнению песен, это было частью их повседневной жизни. Но к середине XX в., в силу изменений образа жизни, эти занятия стали терять практическую необходимость и стали исчезать, поэтому людей, которые владели такими традиционными формами культуры, стали регистрировать в качестве «хранителей нематериального культурного наследия» и обеспечивать им финансовую поддержку государства. В дальнейшем они смогли открывать свои школы, где обучали других своему мастерству. После того как основатели школ уходили из жизни, их ученики на основе процедуры, определённой Министерством

культуры, также могли становиться «хранителями культурной традиции».

На сегодняшний день праздником «Мирян пэкчун» руководят «хранители культурной традиции» уже в третьем поколении.

Так почему же региональный народный праздник удостоился чести быть зарегистрированным в качестве «Нематериального культурного наследия № 68» и стал известным на всю страну?

Из всего увиденного, после активного участия в празднике и разговоров с исполнителями я уяснил одну очень важную вещь: в данном регионе проведение праздника *Пэкчун нори* сохранило те традиционные формы, которые бытовали ещё в конце эпохи Чосон. Участники ансамбля смогли сохранить не только внешнюю форму проведения праздника, но и такой важный элемент культуры, как дух корпоративности, дух единения, которым так славится корейский народ. Именно этот момент единения помогает людям переживать трудности и невзгоды, именно он способствует динамичному и прогрессивному развитию Республики Корея в современном мире.

Фото Со Хон Кана и автора.

Ионова. Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее XIX–XX вв. М., 1982.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Ким Ми Сук. Мирян пэкчун нори. Тэчжон, 2004 (на кор. яз.).